

Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций

УДК-32

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ: Ф. А. ХАЙЕК И КОНСЕРВАТИЗМ

П. Ю. Рахимир

В статье анализируется проблема идеологической и политико-философской идентификации, а также самоидентификации одного из выдающихся мыслителей XX в. лауреата Нобелевской премии 1974 г. по экономике Ф. А. фон Хайека. В спорах по этому вопросу проявились ключевые аспекты генезиса и сущности современного консерватизма. Исследование идей Хайека позволяет проследить, как в XX столетии свершилась инверсия, в силу которой классическая либеральная позиция по многим параметрам превратилась, по сути, в консервативную, а либерализм пережил процесс социал-демократизации. Следует, однако, обязательно учитывать, что и консерватизм, и либерализм представляют собой конгломерат течений, партий и групп, не поддающихся упрощенному унифицированному подходу.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, идеологическая идентификация

Один из выдающихся мыслителей XX в. Ф. А. фон Хайек, лауреат Нобелевской премии 1974 г. по экономике, оставил огромное наследие, которое еще долго будет привлекать внимание исследователей, представляющих не только экономическую науку, но и практически весь спектр гуманитарного знания. Для политологов, историков, философов значительный интерес представляет вопрос об идейно-политической идентификации ученого.

На первый взгляд вопрос может показаться надуманным, поскольку сам Хайек дал на него ответ в постскрипуме к знаменитому труду «Конституция свободы», увидевшему свет в 1960 г. Позднее он не раз возвращался к этой теме. В частности, и в последней своей книге «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма» (1988). Сложность проблемы заключается в том, что постскрипум не столько дает ответ на вопрос об идентификации Хайека, сколько порождает новые вопросы. «Почему я не консерватор», — так озаглавлен постскрипум. Объясняя свою позицию, Хайек именует себя «старым вигом». Тем самым он спровоцировал длящуюся до сих пор дискуссию между претендующими на него консерваторами и либералами. Претендуют на него и либертарианцы.

Обращение к этой проблематике диктуется не только стремлением классифицировать политико-философские воззрения мыслителя, но и тем, что в спорах по их поводу затрагиваются ключевые аспекты генезиса и сущности современного консерватизма. Политическая философия Хайека — это не просто предмет академических споров. Дело в том, что еще при его жизни она обрела

по отношению к своему творцу высокую степень независимости, став обоснованием политической практики тех, свою принадлежность к которым он, правда, не очень убедительно, отрицал.

Лейтмотивом политических воззрений Хайека являлось противостояние социализму, в котором он видел тоталитарную угрозу западной цивилизации. Его подход к либерализму и консерватизму, прежде всего, определялся тем, насколько та или другая позиция эффективна в борьбе с социалистической опасностью. Этот лейтмотив связывает обе его самые популярные книги «Дорога к рабству» и «Конституция свободы», сыгравшие главную роль в формировании хайековской политической философии.

Сильнейшее отторжение вызывала у Хайека идея широкого государственного вмешательства посредством планирования. Именно она, прежде всего, ассоциировалась с социализмом. Хайек решительно отвергает стремление «заменить анонимный, безличный механизм рынка коллективным и сознательным руководством, направленным движением всех социальных сил к заранее заданным целям»¹. Он не принимал идею «планирования ради свободы», которая привлекала социал-демократизированных либералов.

Ей противопоставлялись спонтанность, свободная игра сил в стиле классического либерализма. Настоящий либерал, по Хайеку, «относится к обществу как садовник, которому надо знать как можно больше о жизни растения, за которым он ухаживает»². Это созвучно с либерально-консервативным подходом Э. Берка. Тот сравнивал политика консервативного толка с садовником, бережно ухаживающим за вечнозеленой кроной дерева, своевременно удаляющим из нее пожелтевшие, отмершие побеги. Спонтанно развивающееся растение и дерево символизируют вековые традиции. Традиционализм в данном случае — связующее звено между позицией основателя либерального консерватизма Берка и классического или традиционного либерала Хайека.

К глубокому его сожалению, «новый современный подход к общественным проблемам целиком вытеснил подход старый, либеральный». Следствием этого и стало, что «вопрос о том, как лучше использовать потенциал спонтанных сил, заключенных в свободном обществе, вообще снимается с повестки дня»³. Более того, сетует Хайек, сторонники плановой экономики «требуют централизованного управления всей экономической деятельностью». В то же время Хайек подчеркивал, что дело не в догматической приверженности к классическому либеральному принципу *laissez-faire*. Либералы хайековского типа, прежде всего, исходят из «необходимости максимального использования потенциала конкуренции для координации деятельности, а не призывают пускать вещи на самотек»⁴. Есть все-таки один приемлемый вариант планирования — это «планирование во имя конкуренции»⁵.

¹ Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М, 1992. С. 24.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 38.

Путь к спасению Хайек видел в опоре на ценности традиционного либерализма, воплощенные в наследии Маколея, Гладстона, Джона С. Милля, Дж. Морли. «Чтобы победить в идеологической войне и привлечь на свою сторону дружественные элементы во враждебном стане, мы должны, прежде всего, вновь обрести веру в традиционные ценности»⁶, — писал автор «Дороги к рабству».

Хайек был, в общем, удовлетворен тем, как его книга была принята в Великобритании, где он тогда жил. Ее читал Черчилль, что явно дало о себе знать в его шумевшем предвыборном обращении к стране по радио в 1945 г., в котором он красочно описал, какую опасность для британских свобод представляет лейбористская партия в случае прихода к власти. За исключением ведущих лейбористских политиков, вспоминал Хайек в предисловии 1956 г., почти все, кто читал «Дорогу к рабству», даже отвергая концепцию автора, отнеслись к тексту вдумчиво и испытали сильное впечатление⁷.

Хотя в Америке его книга получила самое широкое распространение, Хайек испытывал неудовлетворенность. «Вопреки моему опыту в Англии, в Америке тот род людей, кому главным образом была адресована эта книга, казалось, отвергли ее как злобную и изощренную атаку на их прекраснейшие идеалы»⁸. Имелась в виду американская интеллектуальная среда, поддерживавшая политику президента Ф. Д. Рузвельта.

Показательно, что видный американский ученый, политолог Ч. Мерриам оценил книгу Хайека как «мрачную», «циничную» и как один из странных пережитков обскурантизма в наши времена⁹. Это была типичная позиция американской академической интеллигенции. Рузвельтовский «новый курс» с его масштабным, особенно по американским меркам, государственным вмешательством в социально-экономическую сферу стал, можно сказать, символом веры большинства американских либералов.

Что же касается либерализма классического образца, то он, как пишет американский историк Дж. Нэш, в Америке был в послевоенные годы «ни жив ни мертв»¹⁰. По словам представителя этого течения, историка М. Смита, «оно проявляло себя “слабым подергиванием и волнением”¹¹. Сформировавшийся в США консенсус между либералами, сторонниками «нового курса» и консерваторами, в той или иной мере принявшими практику государственного вмешательства, маргинализировал поборников классического либерализма. Практически одна из двух главных американских партий — демократическая — за время «нового курса» в значительной степени превратилась в социал-либеральную, причем именно она стала отождествляться с либерализмом как таковым.

Приверженцам классического либерализма не оставалось ничего иного, как выступать в роли традиционалистов. Это придавало их позиции консерва-

⁶ Там же. С. 161.

⁷ Hayek F. A. *The Road to Serfdom*. Chicago, 1994. P. XX–IX.

⁸ Ibid. XXXI.

⁹ Nash G. H. *The Conservative Intellectual Movement in America since 1945*. Wilmington, 1996. P. 5.

¹⁰ Ibid. P. 2.

¹¹ Ibidem.

тивный смысл, подталкивало в направлении традиционного консерватизма. «В мире самоуверенного стейтизма, глубоко окопавшейся бюрократии и казалось бы добившихся триумфа левых философий, — отмечает Дж. Нэш, — старая бесхитростная американская традиция «индивидуализма» испытала неожиданное оживление: она стала ветвью послевоенного консервативного интеллектуального движения»¹².

Возникло взаимопритяжение между традиционалистами консервативного и либерального типа, результатом чего явились далеко идущие последствия, сказавшиеся позднее и ставшие одним из факторов «консервативной волны». У Нэша достаточно оснований утверждать, что столь «неожиданное оживление» вряд ли было бы достигнуто «без вклада двух ученых-эмигрантов из кошмарного мира тысячелетнего рейха». Наряду с Хайеком Нэш имел в виду его учителя, не менее выдающегося ученого и мыслителя Л. фон Мизеса.

Если в «Дороге к рабству» мишенью для Хайека были идеи, которые легли в основу послевоенного консенсуса, то позднее огонь его критики фокусируется на практическом воплощении идей планирования — государстве всеобщего благосостояния. «В отличие от социализма, — подчеркивал Хайек, — концепция государства всеобщего благосостояния не имеет точного значения»¹³. С ним связаны неоспоримые перемены к лучшему в положении массовых слоев населения, экономический рост, «социальные достижения» и т.д. Все это придает государству всеобщего благосостояния привлекательность в глазах людей. Критиковать социализм значительно проще, так как у него более определенный облик, его методы однозначны, их последствия более очевидны. Иное дело государство всеобщего благосостояния: «Некоторые из его целей могут быть реализованы без ущерба для индивидуальной свободы... другие же, особенно дорогие сердцу социалистов, нельзя реализовать в обществе, если оно желает сохранить свободу личности»¹⁴.

На взгляд Хайека, «абсолютно заблуждаются те, кто думает, что определенные нужды граждан становятся исключительно заботой бюрократической машины, а демократический контроль над ней может эффективно защитить свободу граждан»¹⁵. Перед таким самовластным и неконтролируемым аппаратом отдельный человек оказывается беспомощным, тогда как государство наделено всей «мистикой» суверенной власти. Для его характеристик Хайек использует термин, введенный в оборот Л. фон Мизесом — «гегемонистское». Под такими суждениями Хайека могли бы охотно подписаться многие современные американские консерваторы, прежде всего правого толка.

Жесткая оценка государства всеобщего благосостояния ставила Хайека в оппозицию либеральному мейнстриму. Вместе с тем он не желал считаться консерватором. Видимо, такая ситуация побуждала его объяснить свою позицию в постскрипуме к «Конституции свободы». Он признает наличие

¹² Ibidem.

¹³ Hayek F. A. *The Constitution of Liberty*. L., 1990. P. 257.

¹⁴ Ibid. P. 259.

¹⁵ Ibid. P. 261.

у консерваторов определенных достоинств. В отличие от социалистов, у консерваторов имеются ценности, которые находят у него отклик. При всех различиях, порой даже резких, между либеральными и консервативными позициями из трудов некоторых консервативных мыслителей либерал может извлечь немало поучительного. Либералы, например, многим обязаны «их любовному и уважительному исследованию становления институтов (за исключением экономической сферы)», «некоторым глубоким прозрениям, которые реально способствовали нашему пониманию свободного общества»¹⁶. Даже будучи реакционерами в политике, столь видные консерваторы, как Кольридж, де Бональд, де Местр, Юстус Мезер и Доносо Кортес «проявили понимание значимости спонтанного вызревания таких институтов, как язык, закон, мораль и обычай, что предвосхитило современные научные подходы и из чего либералы могут извлечь пользу»¹⁷. Но и подобное признание не обходится без оговорки: «восхищение консерваторов свободным ростом распространяется только на прошлое»¹⁸.

Консерваторы подвергаются критике за то, что они склонны защищать «укоренившиеся иерархии», оправдывать привилегии или монополии¹⁹. Говорится о свойственных консерватизму тенденциях к национализму и мистицизму²⁰. Понятно, что имеется в виду архаичный традиционный европейский консерватизм, который не смог ответить на вызовы новейшего времени.

Хайек считает, что консерватизму присуща теоретическая слабость, ему недостает «теории общества и особенно его экономического механизма»²¹. Сомневается он и в том, есть ли у консерваторов политическая философия. Отсюда ограниченность консерватизма; «он часто может быть полезен как практическая максима, но не дает нам каких-либо основополагающих принципов, которые могли бы оказать влияние на долгосрочное развитие»²². Но при этом он опять делает оговорку: «Когда я говорю, что консерваторам недостает принципов, то это не означает, что у них нет моральной убежденности. Типичный консерватор, на самом деле, человек очень твердых моральных убеждений»²³. Как видно, список претензий Хайека к консерватизму весьма пространен, но особого внимания заслуживает суждение автора «Конституции свободы» о том, что консерватизм «не может предложить альтернативы направлению, в котором мы движемся»²⁴.

Суровой критике подверг Хайек «адвокатов среднего пути» между социализмом и капитализмом, один из которых Г. Макмиллан во время выхода в свет «Конституции свободы» возглавлял британское правительство. Недовольство Хайека вызвало то, что консерваторы, причем не только британские, идут на компромиссы с социалистами, т.е. социал-демократами: «во многих частях

¹⁶ Ibid. P. 399–400.

¹⁷ Ibid. P. 400.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. PP. 402, 403.

²⁰ Ibid. PP. 405, 406.

²¹ Ibid. P. 401.

²² Ibid. P. 411.

²³ Ibid. P. 401.

²⁴ Ibid. P. 398.

Европы консерваторы уже в значительной мере приняли коллективистское кредо — кредо, в соответствии с которым правительственная политика заходит так далеко, что многие институты воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и стали предметом гордости создавших их “консервативных” партий»²⁵. Именно в готовности к компромиссам и консенсусу с поборниками государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь видит Хайек главную слабость консерватизма.

Под таким же антиконсенсусным углом зрения Хайек смотрит на либерализм и свое место в этом идейно-политическом течении. По его собственному признанию, он всю жизнь считал себя либералом. Однако теперь у него возникли на этот счет серьезные сомнения. Причина их не только в том, что либерализм ассоциируется с «новым курсом» Ф. Д. Рузвельта. Хайеку неуютно и с европейскими либералами: «Я все более и более отдаю себе отчет в том, какая большая пропасть существует между моей позицией и рационалистическим либерализмом или даже британским утилитаризмом»²⁶.

Хайек горд находится в одних рядах с лордом Актоном, Токвилем, Берком, Маколеем и Гладстоном, «но большинство континентальных либералов стояло за идеи, к которым эти люди были в оппозиции и руководствовались скорее желанием навязать миру предвзятые рациональные образцы, чем стремлением обеспечить возможность свободного развития». Это, полагает он, относится и к тем, «кто называл себя либералами в Англии, по крайней мере, со времен Ллойд Джорджа»²⁷. То, «что я называю либерализмом, — настаивает Хайек, — имеет мало общего с политическим движением, которое существует сегодня под этим именем»²⁸. По его словам, ему все труднее и труднее использовать привычное понятие без длинных сопутствующих разъяснений, поэтому термин «либерализм» «стал в большей мере балластом, чем источником силы»²⁹. Очевидно, что отчуждение Хайека от традиционного понятия обусловлено, прежде всего, тем, что под ним подразумевается исключительно социальный либерализм, открытый для консенсуса с социал-демократией.

Что же он предлагает взамен? Хайек хотел найти слово, которое было бы уместным для описания партии, которая стояла бы за свободный рост и спонтанную эволюцию. «Я тщетно напрягал мой мозг, — признавался Хайек, — в поисках термина, который бы меня удовлетворил»³⁰. В конце концов термин был найден. «Я, — говорил о себе Хайек, — просто непреклонный старый виг, с упором на слове “старый”»³¹.

Это признание создает пикантную ситуацию, поскольку «старым вигом» именовал себя не кто иной, как Э. Берк. Он называл себя так в противовес прежним друзьям из стана вигов, принявшим Французскую революцию, во всяком случае, в ее фельянской фазе. Поэтому новоявленный «старый виг» пытался

²⁵ Ibid. P. 410.

²⁶ Ibid. P. 407.

²⁷ Ibid. P. 407–408.

²⁸ Ibid. P. 408.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 409.

отлучить Берка от консерватизма: «Эдмунд Берк до конца оставался старым вигом и был бы потрясен мыслью о том, что его рассматривают как тори»³². «Беркианским вигом» называл себя Хайек и в интервью, относящемся к 1980 г.³³ И в своей последней книге «Фатальная самонадеянность» Хайек, ссылаясь на постскрипtum, подчеркивал, что, несмотря на свою антисоциалистическую позицию, он «столь же мало тори-консерватор, как и Эдмунд Берк». Все же консерватизм ему не чужд. «Мой консерватизм, такой, какой он есть, — писал Хайек далее, — в целом ограничивается моралью»³⁴.

В качестве «старого вига» таким терминам, как либерализм, консерватизм, либертарианство он предпочитает определять свою позицию понятием «вигизм»: «Вигизм — исторически верное имя для идей, в которые я верю»³⁵. Идеалы английских вигов «инспирировали то, что позднее стало известно всей Европе как либеральное движение»³⁶. Они же вдохновили американских колонистов на борьбу за независимость и создание конституционного правления. Но после того как движение за свободу «восприняло грубый и воинственный рационализм Французской революции», либерализм занял место вигизма. Вигизм, по утверждению Хайека, — «это базис общей традиции англо-саксонских стран»³⁷.

От нее определенные ценности позаимствовали и континентальные либералы. На ней основывалась американская система правления: «В своей чистой форме она представлена в Соединенных Штатах не радикализмом Джефферсона, не консерватизмом Гамильтона и даже Джона Адамса, а идеями Джеймса Мэдисона — отца конституции»³⁸. Теперь задача заключается в том, чтобы «освободить эту традицию от суперрационалистических и социалистических влияний, которые в нее вторглись». Эта задача, продолжает Хайек, является частью главной: «Освободить процесс спонтанного развития от препятствий и препон, создаваемых человеческим безрассудством»³⁹.

Что же касается самого Хайека, то он, по его собственным словам, постарался «собрать вместе сломанные фрагменты традиции, которая может быть транслирована в программу, обращенную к массам», однако «задача политического философа только в том, чтобы влиять на общественное мнение, а не организовывать людей на действие»⁴⁰. Политический философ эффективен, если он занимается не собственно политикой, а, говоря словами А. Смита, защищает «всеобщие принципы, которые всегда одни и те же»⁴¹. Как уже говорилось, в последних строках постскриптума Хайек выражает сомнение насчет наличия их, а значит и политической философии, у консерваторов.

³² Ibid. P. 401.

³³ Nash G. H. Reapprising the Right. The Past and Future of American Conservatism. Wilmington, 2009. P. 58.

³⁴ Hayek F. A. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. Chicago, 1991. P. 53.

³⁵ Hayek F. A. Consiyuyion of Liberty. P. 409.

³⁶ Ibid. P. 408.

³⁷ Ibid. P. 409.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 410.

⁴⁰ Ibid. P. 411.

⁴¹ Ibidem.

Действительно, в то время, когда Хайек писал «Конституцию свободы», и вплоть до первых признаков «консервативной волны» в 1970-х гг. консерватизм ни теоретически, ни практически не мог эффективно противостоять кейнсианскому консенсусу, т.е. тем политическим силам, которые за ним стояли, включая либеральных консерваторов. На политическую и идеологическую периферию были оттеснены и сравнительно немногочисленные сторонники классического либерализма.

Все же Хайек не терял надежды. Характерно, что «Конституция свободы» была посвящена «Той неизведанной цивилизации, которая развивается в Америке». В отличие от Европы, где во времена Французской революции возник острый конфликт между консервативными и либеральными силами, в Америке дело обстоит иначе. То, что там называлось «либерализмом», в США, «было общей традицией, на которой основывалась американская политика; таким образом, защитник американской традиции был либералом в европейском смысле»⁴². Американская специфика заключалась в том, что в США «еще возможно защищать индивидуальную свободу, защищая укоренившиеся институты». Правда, для либерала, в отличие от консерватора, «их ценность не в том, что они долговечные или американские, в том, что они соответствуют идеалам, которые он лелеет»⁴³. Но столь тонкое различие со временем стирается, и отстаивание либеральных (в классическом смысле) институтов правления и рыночных от натиска сторонников государственного регулирования становится, по сути, делом консерваторов. Фактически Хайек раскрывает особенности генезиса современного консерватизма.

Пожалуй, этот процесс на основе личного опыта наиболее наглядно предстает в мемуарах М. Тэтчер. «В силу инстинкта и воспитания, — пишет бывший британский премьер-министр, — я всегда была истинным консерватором»⁴⁴. О ее понимании своего консерватизма можно судить, в частности, по тому, как она характеризует своего друга студенческих лет Э. Бойла: «он был классическим либералом, чьи взгляды хорошо гармонизировали с моим собственным среднеклассовым консерватизмом»⁴⁵. Фактически она признает, что ее дорога к консерватизму пролегла через классический либерализм. Более того, он и был в ее глазах консерватизмом, во всяком случае, экономическим. Суть его она изначально усвоила от отца, державшего лавку: «Прежде чем прочесть хотя бы строчку из книг великих либеральных экономистов, я узнала из счетов моего отца, что свободный рынок был подобен обширной чувствительной нервной системе, реагирующей на события, сигналы со всего мира, чтобы удовлетворять постоянно меняющиеся потребности людей различных стран, классов, религий»⁴⁶.

«На меня, — пишет она, — решающее влияние оказал опыт жизни в домохозяйстве Робертсов»⁴⁷. Поэтому она, тогда еще студентка Маргарет Робертс,

⁴² Ibid. P. 397.

⁴³ Ibid. P. 399.

⁴⁴ Thatcher M. The Path to Power. L., 1995. P. 28.

⁴⁵ Ibid. P. 42.

⁴⁶ Thatcher M. The Downing Street Years. L., 1993. P. 12.

⁴⁷ Thatcher M. The Path to Power. P. 565.

оказалась готова к встрече с книгой Хайека «Дорога к рабству». Правда, она признает, что не сразу осознала глубину идей ее автора. По рекомендации своего гуру К. Джозефа она в 1970-х гг. вновь обратилась к Хайеку и «действительно пришла к постижению выдвинутых им идей»⁴⁸. Ф. Хайек и М. Фридмен, по словам советника Тэтчер А. Шермана, были теми интеллектуалами, чьи идеи «более всего служили подспорьем принципам, которых она придерживалась инстинктивно»⁴⁹. Если классический экономический либерализм М. Тэтчер был, можно сказать, родом из ее родного городка Грантем, то его теоретическому осмыслению она, несомненно, была обязана Хайеку.

Его идеи оплодотворяли консерватизм, терявший идентичность под давлением кейнсианского консенсуса. Европейские консерваторы «социал-демократизировались» и принимали в том или ином масштабе государственное вмешательство в экономику и социальную политику. «Традиционный экономический либерализм, который составлял столь важную часть моего политического макияжа и который был принят самим Эдмундом Берком, — констатирует Тэтчер, — часто был чужд консерваторам более высокого социального происхождения»⁵⁰. Прежде всего она имела в виду, естественно, Г. Макмиллана.

Хотел того Хайек или нет, но возрождаемый им классический либерализм стал отождествляться с наиболее последовательным и агрессивным консерватизмом, связанным с именами Р. Рейгана и М. Тэтчер. Тэтчеризм существенно отличался от традиционного торизма, будучи гораздо ближе к консерватизму американского типа, особенно к правому.

Объясняя, почему он не консерватор, Хайек был вполне искренен и от этой своей позиции существенно не отклонился. Однако консервативные политики и идеологи нашли в его трудах то, чего консерватизму явно недоставало — политико-философскую концептуальную базу. Не случайно в споре за политико-философское наследие мыслителя притязания консерваторов выглядят убедительнее по сравнению с либералами.

Среди почитателей Хайека были главные герои «консервативной революции» 1980-х гг. М. Тэтчер и Р. Рейган, идеи самого Хайека послужили одним из ее важнейших интеллектуальных источников. Не только М. Тэтчер, но и Р. Рейган читал Хайека. Он принимал его в Белом доме в 1983 г. Преемник Рейгана Дж. Буш-старший наградил Хайека президентской Медалью Свободы в 1991 г. Еще раньше, в 1984 г. он удостоился почетной британской награды. Хайеку отведено место в энциклопедии «Американский консерватизм». «Хотя Хайек оказал величайшее влияние на консервативное движение в Англии и Соединенных Штатах, он рассматривал себя как классического либерала»⁵¹, — отмечается в этой статье. Еще одна энциклопедическая статья посвящена хайековской «Дороге к рабству».

Тот факт, что Хайек считал себя «старым вигом» или еще «беркианским вигом», дал основания известному американскому консервативному историку

⁴⁸ Ibid. P. 50.

⁴⁹ Scherman A. *Paradoxes of Power*. Charlottesville, 2005. P. 25.

⁵⁰ Thatcher M. *The Path to Power*. P. 50.

⁵¹ *American Conservatism*. An Encyclopedia. Willmington, 2006. P. 375.

Дж. Нэш охарактеризовать Хайека следующим образом: «Он был классическим либералом... с консервативными наклонностями». «Для большинства американцев, считавших себя консерваторами, — продолжал Нэш, — этого было достаточно, чтобы включить его в свой пантеон»⁵².

Предваряя седьмое издание культовой книги Р. Керка «Консервативный разум», ее издатель и видный консервативный деятель Г. Регнери писал: «Хотя и признаваемый в качестве одного из отцов-основателей консервативного движения Хайек никогда не хотел признать себя консерватором. Он предпочитал, чтобы его знали как “старого вига”; этикетка, которая требовала нескольких страниц объяснений, способных убедить всякого, кроме самого профессора Хайека, что на самом деле в сердце своем он был консерватором»⁵³.

«Мы все теперь хайекианцы» — такое настроение было характерно для многих американских консерваторов времен Рейгана⁵⁴. У Хайека находят аргументы и нынешние консерваторы в борьбе против администрации Барака Обамы. Примером может служить программная книга бывшего спикера Конгресса Н. Гингрича⁵⁵. «Новая дорога к рабству» — так назвал свою книгу британский правый консерватор Д. Хэннан, предостерегая американских собратьев от пагубного, на его взгляд, курса 44-го американского президента⁵⁶.

Классиком консервативной мысли считают Хайека правые британские консерваторы. В таком качестве он не раз фигурировал на страницах «Солсбери ревю», журнала, отражающего взгляды консервативных интеллектуалов правоконсервативного толка. «Хайек стремился интегрировать глубочайшие прозрения консерватизма с лучшими элементами классического либерализма»⁵⁷, — отмечал в своем эссе, посвященном мыслителю, Дж. Грей. По его же словам, Хайек «освободил классический либерализм от высокомерного рационализма. Тем самым он защитил свободу, которая примиряет современное восприятие индивидуальности с требованиями, традициями»⁵⁸. Главный же урок Хайека для консерваторов состоит в том, что «иллюзорно полагать будто консервативные ценности могут быть защищены благодаря экспансионистскому государству»⁵⁹. В эссе, посвященном взглядам Хайека на экономику, А. Эллис-Джонс считает попытку ученого объяснить, почему он не консерватор, не очень убедительной⁶⁰.

Не верят Хайеку и многие представители либерального лагеря. В первую очередь следует упомянуть такого, можно сказать, архетипического либерала, как знаменитый политический мыслитель Р. Дарендорф. Не случайно на него в свое время пал выбор итальянского издательства, опубликовавшего серию

⁵² Nash G. H. Reappraising Right. P. 58.

⁵³ Kirk R. The Conservative Mind. From Burke to Eliot. Washington, 2001. P. IX.

⁵⁴ Edwards L. William Buckley Jr. Maker of a Movement. Wilmington, 2010. P. 144.

⁵⁵ Gingrich N. A Nation Like no other. Why American Exceptionalism Matters. Washington, 2011.

⁵⁶ Hannan D. The New Road to Serfdom. N. Y., 2010.

⁵⁷ Gray J. Hayek // Conservative Thinkers: Essays from The Salisbury Review. L., 1989. P. 250.

⁵⁸ Ibid. P. 256.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ellis-Jones A. The Politics of Economics // Conservative Thinkers: Essays from The Salisbury Review. L., 1989. P. 214.

по основным идейно-политическим течениям XX века. Именно Дарендорфу было доверено написать книгу о европейском консерватизме (1979 г.), в которой он оценивал Хайека как консервативного философа⁶¹.

Не принимают Хайека за своего и либералы — сторонники активной роли государства в социально-экономической жизни. Естественно, для них неприемлема ключевая хайековская идея о спонтанности развития. Так, американский политолог А. Вольф, полемизируя с хайековским подходом, утверждает, «что человеческие существа живут ради цели, которую они могут поставить и реализовать, целей, которые они сами себе ставят». Либералы, утверждает он, видят свою главную цель не в плановой экономике, подобно социалистам, а в общем благе. «Мы знаем, что это такое. И мы можем этого достичь»⁶², — уверен Вольф.

Более жесткую позицию по отношению к Хайеку занимает американский ученый Дж. Макговэн, профессор университета Северной Каролины. «Хайек, — напоминает он, — признавал, что он не вполне либерал, особенно если иметь в виду английский либерализм, каким он предстает в трудах Джона Стюарта Милля и Томаса Грина между 1885–1885 гг. и относительно современного эгалитарного либерализма»⁶³. Далее Макговэн ставит риторический, по сути, вопрос: почему, несмотря на самоидентификацию Хайека, «лучше всего понимать как консерватора»? Ответ содержится, прежде всего, в такой позиции Хайека: «Экономическое неравенство — неизбежная необходимость, а принуждение, не увеличивающее равенство или справедливость, является единственным результатом попыток исправить положение. Мы сталкиваемся с жестким выбором: свобода или равенство»⁶⁴. Для Макговэна очевидно, что идеи Хайека полностью созвучны с традиционным консерватизмом, полагающим, что неравенство неизбежно и убежденным в том, что обдуманное действие в лучшем случае бесполезно, а в худшем совершенно разрушительно»⁶⁵. Стоит отметить, что критика по адресу Хайека занимает немалое место в книге американского либерала.

Практически безоговорочно принимает самоидентификацию Хайека и даже усиливает ее либеральную тональность профессор политической философии Пизанского университета Р. Кубедду. В хайековском либерализме он усматривает реальную альтернативу консерватизму⁶⁶.

На Хайека претендуют либертарианцы. В книге о либертарианстве Д. Боуза Хайек фигурирует как один из «величайших либертарианцев», несмотря на его самоидентификацию в качестве «старого вига»⁶⁷. Можно согласиться с Кубедду, когда он пишет, что Хайека надо отличать от либертарианцев, но его противопоставление Хайека консерватизму выглядит не очень убедительно, по той же самой причине, по которой вызывает сомнение самоидентификация мыслителя. Трактовка Кубедду тоже основывается на узурпации либералами «старого вига»,

⁶¹ Dahrendorf R. Intervista sul Liberalismo in Europa. Bari, 1979. P. 29.

⁶² Wolfe A. The Future of Liberalism. N. Y., 2009. P. 84.

⁶³ McGowan J. American Liberalism: an Interpretation for Our Time. Chapel Hill, 2007. P. 112.

⁶⁴ Ibid. P. 113.

⁶⁵ Ibid. P. 118.

⁶⁶ Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы. М., 2008. С. 337.

⁶⁷ Боуз Д. Либертарианство. Челябинск, 1997. С. 28.

т.е. Берка. «Либерализм Хайека, — утверждает итальянский ученый, — относится к традиции, которая воспринимает государство как инструмент, способный обеспечить эволюцию стихийного порядка»⁶⁸. Но это совершенно в духе берковской метафоры с садовником, когда на власть возлагается миссия бережно охранять спонтанное развитие, что вполне вписывается в консервативную традицию, в особенности американскую.

Кубедду интерпретирует Хайека главным образом в европейском контексте. Между тем австрийский «старый виг» с особым интересом и даже с надеждой взирал на Новый Свет. Именно американскую либеральную традицию он находил наиболее адекватной, она была, на его взгляд, «общей традицией» американской государственности как для классического либерализма, так и для консерватизма. В связи с этим уместно привести такое суждение С. Хантингтона: «американский политический гений проявлялся не столько в идеях, сколько в институтах, поэтому консервативный стимул исходит не от обветшавших кредо третьесортных мыслителей, а от успешно функционирующих институтов»⁶⁹. В их создании первостепенную роль играли либералы, но когда их либеральные потомки взяли курс на государственное вмешательство и регулирование, миссия защиты традиционных институтов и принципов перешла к консерваторам.

Многие из них нашли у Хайека теоретическую опору для своей политической практики. Фактически благодаря Хайеку консерваторы, прежде всего американские, обрели то, в чем остро нуждались — идеологическую и политико-философскую идентификацию. Взгляды американских консерваторов четко выразил консервативный историк и политический активист Л. Эдвардс: «Как бы не возражали Хайек и мыслящие подобно ему классические либералы и либертарианцы, их философская позиция ставит их прямо и непосредственно в ряды консервативного движения»⁷⁰.

Волей истории в XX столетии свершилась инверсия, в силу которой классическая либеральная позиция по многим параметрам превратилась по сути в консервативную, а либерализм пережил процесс социал-демократизации. Следует, однако, обязательно учитывать, что и консерватизм, и либерализм представляют собой конгломерат течений, партий и групп, не поддающихся упрощенному унифицированному подходу. Сказывается существенным образом и национально-историческая специфика. Не случайно наиболее благоприятной для идей Хайека оказалась американская почва.

Было бы также упрощением отождествлять политическую философию Хайека с консервативной. Естественно, она более широка, более насыщена интеллектуально. Можно сказать, что консерваторы усвоили ее лейтмотивы, прежде всего антистейтизм, рыночные свободы, приоритет спонтанности, но этим ее интеллектуальное многообразие не исчерпывается. Кроме того, при идеологической заостренности политико-философских положений часто теряется их

⁶⁸ Кубедду Р. Указ. соч. С. 340.

⁶⁹ Huntington S. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. № 51. June. P. 473.

⁷⁰ Edwards L. The Conservative Revolution. The Movement That Remade America. N. Y., 1999. P. 17.

тонкая нюансировка. Характер взаимосвязи между политико-философскими идеями Хайека и консерватизмом отражает старую истину: идеи имеют следствия. И следствия этих идей не всегда и не во всем совпадают с намерениями их творцов.

Список литературы

1. American Conservatism. An Encyclopedia. Wilmington, 2006.
2. *Dahrendorf R.* Intervista sul Liberalismo in Europa. Bari, 1979.
3. *Edwards L.* The Conservative Revolution. The Movement That Remade America. N. Y., 1999.
4. *Edwards L.* William Buckley Jr. Maker of a Movement. Wilmington, 2010.
5. *Ellis-Jones A.* The Politics of Economics // Conservative Thinkers: Essays from The Salisbury Review. L., 1989.
6. *Gingrich N.* A Nation Like No Other. Why American Exceptionalism Matters. Washington, 2011.
7. *Gray J.* Hayek // Conservative Thinkers: Essays from The Salisbury Review. L., 1989.
8. *Hannan D.* The New Road to Serfdom. N. Y. 2010.
9. *Hayek F. A.* The Constitution of Liberty. L., 1990.
10. *Hayek F. A.* The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. Chicago, 1991.
11. *Hayek F. A.* The Road to Serfdom. Chicago, 1994.
12. *Huntington S.* Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. № 51. June.
13. *Kirk R.* The Conservative Mind. From Burke to Eliot. Washington, 2001.
14. *Mcgowan J.* American Liberalism: an Interpretation for Our Time. Chapel Hill, 2007.
15. *Nash G. H.* Reapprising the Right. The Past and Future of American Conservatism. Wilmington, 2009.
16. *Nash G. H.* The Conservative Intellectual Movement in America since 1945. Wilmington, 1996.
17. *Scherman A.* Paradoxes of Power. Charlottesville, 2005.
18. *Thatcher M.* The Downing Street Years. L., 1993.
19. *Thatcher M.* The Path to Power. L., 1995.
20. *Wolfe A.* The Future of Liberalism. N. Y., 2009.
21. *Боуз Д.* Либертарианство. Челябинск, 1997.
22. *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы. М., 2008.
23. *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М, 1992.